Козлова Ольга Валериевна, Бурыгина Дина Николаевна

СПЕЦИФИКА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЧЕЛОВЕКА В РФ

В статье поднимается проблема эмоционального благополучия человека в современном российском обществе, характеризующегося такими чертами, как распад национальной, конфессиональной и культурной идентификации, ощущение страхов и эмоциональной нестабильности. Основное внимание авторов уделено причинам эмоциональной нестабильности в РФ, которые обуславливают деструктивное воздействие на развитие индивида и приводят к процессу распада идентичности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/12-3/22.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (26): в 3-х ч. Ч. III. С. 90-92. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 101.1:316
Философские науки

В статье поднимается проблема эмоционального благополучия человека в современном российском обществе, характеризующегося такими чертами, как распад национальной, конфессиональной и культурной идентификации, ощущение страхов и эмоциональной нестабильности. Основное внимание авторов уделено причинам эмоциональной нестабильности в РФ, которые обуславливают деструктивное воздействие на развитие индивида и приводят к процессу распада идентичности.

Ключевые слова и фразы: эмоциональное благополучие; идентификация; интерпретация; процесс распада идентичности.

Ольга Валериевна Козлова, к. филос. н., доцент
Дина Николаевна Бурыгина
Кафедра философии
Череповецкий государственный университет
philosophia@chsu.ru; buryginadina@mail.ru

СПЕЦИФИКА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЧЕЛОВЕКА В РФ©

Эмоции относятся к структурным компонентам сознания человека и, как известно, играют в его субъективном бытии немаловажную и противоречивую роль. Являясь ценностью культурного мира человека, эмоции подвергаются различному восприятию, по-разному интерпретируются. Современный мир (постиндустриальный, мультикультурный), казалось бы, ориентирован, прежде всего, на индивидуализацию и гуманизацию всех процессов и, конечно, межчеловеческих отношений: у каждого субъекта свои особенности, темп и ритмы жизни и деятельности, свои ценности и интересы, темперамент, а также качество и уровень эмоциональной культуры. Создается видение социума как прекрасной картины в детском калейдоскопе: столь разное складывается в систему, фигуру; при этом и отдельное, и система вызывают восхищение. С одной стороны, система социума складывается из отдельных уникальных составляющих, а общество всегда восхищается особенностями: один хитер, другой умен, третий силен (в спорте, в педагогике, в хореографии и т.п.). С другой – столь хваленое информационное общество требует не столько индивидуально отличающегося, сколько стандартно конформного типа личности (*конформного человека*) куда в большей (во всяком случае, не в меньшей) степени, чем индустриальное. Поэтому проблема эмоционального благополучия на сегодняшний день не менее важна и актуальна, чем экономического. Ощущение эмоционального благополучия есть, прежде всего, ощущение и осознание себя счастливым, гармоничным миру, сливающимся индивидуальным духом (удовлетворение и как потребность в творчестве, так и востребованность в нем со стороны общества, представляющего условия и возможности его претворения) с социумом и космосом.

Важнейшей составляющей эмоционального благополучия человека является ощущение индивидом собственной востребованности группой, социумом или Другим индивидом. Для подросткового и юношеского периодов развития личности необходимой компонентой (и одновременно формой проявления) эмоционального благополучия является удовлетворение потребности Я в идентификации с иным(-и) Я, т.е. в отожествлении себя с Другим(-и) как референтной личностью или группой. Обязательным условием ощущения эмоционального благополучия в рамках данной, конкретной группы (субкультуры или контркультуры) является онтологизация желаемого из идеальной реальности в материальную как форму позитивного общения с Другим. Данное ноосферное единство «человек – социум – космос» в антропоморфном восприятии первого проявляется, прежде всего, в отсутствии агрессии всех его элементов по отношению друг к другу и жажды деструктуризма. Однако, как справедливо замечает Э. Фромм, в настоящее время «в человеческих отношениях редко сыщешь любовь или ненависть. Пожалуй, в них преобладает чисто внешнее дружелюбие и еще более чисто внешняя порядочность, но под этой видимостью скрывается отчужденность и равнодушие. И немало тут и скрытого недоверия» [5, с. 101].

Развитие данного процесса идентификации в форме неприятия, отторжения Я Другим формирует ощущение эмоционального неблагополучия, которое часто играет деструктивную роль в процессе социализации личности подростков, молодежи и адаптации человека пенсионного возраста и может привести к росту суицидов особенно среди этих групп населения.

Однако негативное влияние отрицательной идентификации в отношении недавно востребованного, ощущающего благополучие нужности Я среднего возраста также вызывает переживание бытия как отчаяния и также влечет рост самоубийств, что имело место в середине 1990-х годов в РФ и во всем постсоветском пространстве.

Мы исходим из понимания эмоций как непосредственной реакции человеческой психики и, прежде всего, ее сознательной компоненты на полученную информацию. Эмоционально благополучный человек – это, прежде всего, человек счастливый. Если субъект ощущает окружающую действительность в большей степени позитивно, чем негативно, значит, эмоционально он более благополучен, чем субъект, воспринимающий ее более негативно. Положительные эмоции человек получает не столько от материальных благ, сколько

© Козлова О. В., Бурыгина Д. Н., 2012

от социальных, от своей востребованности обществом, от осознания своих возможностей исправить негативные общественные явления или процессы. Однако этой составляющей, на наш взгляд, как раз и не хватает подавляющей части наших граждан, воспринимающих себя в качестве объекта эксплуатации, субъекта страхов и переживаний за очень многое в столь независимой будущности.

Социальная идентичность включает в себя «совокупность представлений и социальных установок, отражающих оценку индивидом своих возможностей активного или пассивного приспособления к наличным социальным условиям, его восходящей или нисходящей мобильности либо стабилизации ситуации в рамках данных условий» [4, с. 61]. Современный же человек переживает процесс распада идентичности себя с такими добродетелями, как гражданское мужество, профессиональная честность (не говоря о нравственной или правовой), достоинство и честь. Не осознавая себя носителем данных добродетелей в своих поступках, невозможно жить в мире положительных эмоций, как невозможно и творить систему отношений эмоциональной безопасности и благополучия.

Л. П. Буева, обращаясь к проблеме распада идентичности, пишет: «Чем обусловлен данный процесс? Ловушкой оказывается открытость индивида по отношению к другому. Но ведь именно через других реализуется механизм идентичности. Однако индивида, который пытается выстроить коммуникацию, ждет разочарование. Там, где он рассчитывал отыскать некое человеческое содержание, оказывается пустота. Субъекта нет, а есть только социальные роли. Социальное заменяет индивидуальное. Там, где человек рассчитывает обрести подтверждение своей самотождественности, он наталкивается на безличные социальные позиции» [1, с. 144-145]. Поэтому результатом осознания данного явления будет являться субъективное заблуждение о своей нужности, отражаемой в реальной жизненной ситуации. Лишь принимая во внимание постановку проблемы несоответствия человека – миру, а мира – человеку, можно понять истоки зарождения суицидальных мыслей в человеческом сознании, которые приобретают в последнее время черты глобальности. Парадоксальным фактом являются недавние волны вспышек суицида в России, Греции, Италии и других странах, что дает реальное основание определять феномен самоубийства как один из неустранимых симптомов социальной неустойчивости и несовершенства самого общества.

Обществу (и каждому человеку) Другой интересен лишь как носитель статуса, которому подвластны котируемые в данный исторический период социальные роли, связанные с ними привилегии и возможности. Не сам человек интересен, а то, что от него можно получить: некое место, кафтан с барского плеча или тапочки с его ног. И чем больше можно рассчитывать получить от места-субъекта, тем больше готов избавляться социально стандартизированный объект-субъект от таких человеческих качеств, как добродетели. Освободившись от нравственных претензий к себе, можно также ощущать собственное бытие как эмоционально благополучное.

Постмодернистский человек в отличие от модернистского типа не столько решится «соотнестись с Другим, сколько обозначить дистанцию, которая выразит близость или чуждость окружающих людей. Рождается не взаимообогащение личностей, а механическое сопоставление разных социальных точек в дискурсе социальных систем. Встреча с другим предполагает теперь возможность покрыть своим Я Другого или позволить Другому покрыть меня» [2, с. 102]. Чем выше статус, тем большим правом подчинять Другого наделяет общество человека-статуса. Данные варианты всевозможного подчинения проявляются либо как поглощение конкретности субъекта, либо вынуждаемой Другим ее замещенности. Нельзя не согласиться с Л. П. Буевой, утверждающей, что «Я нередко приспосабливается к Другому, к его образу и подобию (*добровольно или принудительно*. – *О. К.*). В свою очередь Другой обретает власть над конкретным индивидом. Означаемое утрачивает свою конкретность. На поверхности оказывается поток означающих» [Там же, с. 145]. Модернизм интересуется личностью, технологическая цивилизация, в отличие от прогнозов социальных идеалистов, ориентирует массы на интерес к стандарту. Квадрат стремится не к противоположности, а к подобному. Иную идентичность общество, на словах, не отрицает, но на практике, в лучшем случае, не поощряет. Став стандартизированным конформистом с рабским сознанием, человек сегодняшнего дня не жаждет всплеска эмоций (ведь это состояние боли, страдания – даже в случае радости, восхищения).

Уподобляясь стандарту, масса ищет опору, поддержку (стандарт идентичности) и в долговременных очередях к религиозным святыням, и поругании «кощунниц», и восхвалении власти (а не добродетели) предержащих, и поклонении кумирам шоу-бизнеса, и утверждении практики о том, что деньги и капитал – высшая ценность, и даже в известных художественных шедеврах (не столько из эмоционально-эстетической потребности, сколько из группового стандартизированного поведения – надо «причаститься» – и Я делает так же, как другие).

Конечно, если речь идет о стремлении к подобному Я подростка, и это помогает адаптации и выживанию как биологического существа, то нельзя отрицать позитивность процесса стандартизации, понимаемого как некую формализацию в рамках субгруппы.

Музыкант, композитор, педагог и т.п. могут отличаться способностями, но высокий статус или не займут, или, достигнув, не сохранят, если не стандартизируются в системе группы. Это способствует выживанию вида, рода, группы, но Человека ли?

Эмоциональное благополучие можно понимать не только как высокий уровень развития эмоциональной составляющей психики человека, способного открыто радоваться, переживать, страдать и ненавидеть, но и как форму и счастливо идентифицирующегося в этом состоянии субъекта. Но можно, видимо, понимать данное благополучие как эмоциональное нивелирование и счастливое пребывание в болоте бездушия.

Правы философы П. С. Гуревич и Н. И. Киященко, которые, обращаясь к проблеме идентичности, пишут: «Индивид живет в мире напряженных и противоречивых мотивов, стремлений и ожиданий. Ему постоянно

нужна опора. Он все время пытается соотносить свое поведение с персонифицированным образом… Идеал многих юношей персонифицировался в Джоне Ленноне… Государственный чиновник стремится уподобиться вышестоящему… Люди пытаются выразить себя опосредованно, через систему ритуалов, стереотипов, готовых образцов» [3, с. 82]. Естественно, идентифицируя себя с социальной группой, человек выживает лучше, психологически комфортнее. Однако в рамках субкультур, офисных дресс-кодов, в системе общества иерархических взаимоотношений человек вынужден уподобляться Другим как внешне (мода, престижность, бренд), так и эмоционально (улыбаться не от «хочу», а от «должно», соглашаться из того же принципа, уступать, даже если Другой не прав – ведь он статусный). Человек уподобляется, следовательно, и эмоционально, так как ощущает в этом видимость эмоционального благополучия.

Проблема заключается в том, что общество, с одной стороны, не может выживать без эмоционального уподобления, но, с другой стороны, так понимаемое нравственно-политически-социально-эмоциональное благополучие и претворение его во всеобщую практику – путь к неизбежной роботизации и духовной смерти человека. Таким образом, понимаемое и ощущаемое человеком благополучие может обернуться в негативную противоположность – всеобщую агрессию, что не менее опасно для выживания человечества.

Список литературы

1. **Буева Л. П.** Распад идентичности // Вестник Российского философского общества (РФО). 2011. № 4. С. 144-147.
2. **Гуревич П. С.** Спектр антропологических учений. М.: ИФРАН, 2008. 215 с.
3. **Гуревич П. С., Киященко Н. И.** Идентичность как психологический механизм // Вестник РФО. 2011. № 3. С. 81-84.
4. **Дилигенский Г. Г.** Люди среднего класса. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2002. 285 с.
5. **Фромм Э.** Отделение от себя // Кризис сознания: сб. работ по «Философии кризиса». М.: Алгоритм, 2009. С. 97-104.

SPECIFICITY OF HUMAN EMOTIONAL WELL-BEING IN THE RUSSIAN FEDERATION

Ol'ga Valerievna Kozlova, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Dina Nikolaevna Burygina
Department of Philosophy
Cherepovets State University
philosophia@chsu.ru; buryginadina@mail.ru

The authors raise the problem of human emotional well-being in the modern Russian society, which is characterized by such features as the disintegration of national, confessional and cultural identification, the sense of fear and emotional instability, and pay special attention to the reasons of emotional instability in the Russian Federation, which condition the destructive influence on the development of an individual and lead to the process of identity disintegration.

Key words and phrases: emotional well-being; identification; interpretation; identity disintegration process.

УДК 303.01
Философские науки

Статья посвящена осмыслению влияния постмодернистских концепций на современное обществознание. Автор считает, что социальная философия, как и все обществознание, в настоящий момент пребывает в состоянии кризиса. Одним из наиболее разрекламированных, конкурирующих направлений, каждое из которых исходит из своего видения социальной реальности, является постмодернизм. Последний не столько отражает кризис современного общества, сколько сам выступает симптомом этого кризиса. В настоящее время, не предлагая никаких позитивных решений и программ, он является одним из главных интеллектуальных источников агностицизма в социальных науках.

Ключевые слова и фразы: модерн; постмодерн; объективная истина; прогресс; капитализм; глобализация; кризис философии; метанаррация; дискурс; деконструкция.

Илья Владимирович Купряшкин
Кафедра социальных наук
Дальневосточный федеральный университет
kupersuper@mail.ru

ПОСТМОДЕРНИЗМ: ФИЛОСОФИЯ КРИЗИСА И КРИЗИС ФИЛОСОФИИ©

В конце тридцатых годов двадцатого века П. Сорокин писал: «Все важнейшие аспекты жизни, уклада и культуры западного общества переживают серьезный кризис… больны плоть и дух западного общества…» [12, с. 427]. К. Ясперс говорил о том же: «В нашу эпоху массового порядка, техники, экономики духу вместе с человеческим бытием грозит, если эта неизбежность абсолютизируется, разрушение в своей основе…» [14, с. 105].

© Купряшкин И. В., 2012